

Надежда Мамаева

СВЕТЛЫЕ И ТЕМНЫЕ

ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ
КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА
В ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ТРЕБУЕТСЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

Мамаева, Надежда

М22 Светлые и темные: Черная ведьма в Академии драконов. Как избавиться от наследства. В военную академию требуется : сборник / Надежда Мамаева. — Москва : Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2023. — 800 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-159173-1

Что объединяет черную ведьму в бегах, девушку из нашего мира и дочь контрабандиста? Конечно, земли Темные, земли Светлые и Серебряный хребет между ними. В этом мире владыки плетут свои интриги, пожиратели душ преследуют своих строптивых жертв, а адепты готовы на все ради диплома. Даже учиться! Здесь Эйта, дарящая безумие, играет в кости со Смертью. Тут одна встреча чародейки и мага может изменить все и подарить им ворох неприятностей. И выбраться этим двоим из них будет ой как не просто. Тяжелее только — не влюбиться друг в друга...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159173-1

© Надежда Мамаева, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА
В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ

Пролог

Год 9927-й от пришествия драконов

— Ни один некромант, ни один маг тьмы и тем паче черная ведьма не переступят порог Пресветлой академии драконов! — голос ректора, усиленный заклинанием, разнесся по залу, отразился от окон и стен, эхом прокатился до задних рядов.

Казалось, эти слова был призваны помимо воли слушателей доходить до их сознания, но... Порою даже заклинание десятого порядка бессильно. А все оттого, что добираться умным словам ректора было попросту не до чего. У иных присутствующих в зале адептов в черепной коробке было столько же дум, сколько ледников в жаркой песчаной эйгушской пустыне. Зато эти бравые студиозусы, не обремененные тяготами мыслительного процесса, были белыми магами. И пусть искра их дара едва теплилась. Зато белая. И точка.

После минувшего переворота темные чародеи были в опале. Две древнейшие расы — демоны и драконы — делили власть и рудники магического металла анария, но, как водится, в результате разделили мир на два лагеря. Увы, рогатые проиграли в сложной и запутанной подковерной игре, а вместе с ними и все их союзники. Не было выстрелов, битв, и мертвые тела не устилали поля сражений. Зато восталась — интриг, подлогов, дипломатических переговоров, а архимаги с обеих сторон продемонстрировали возможности новейших заклинаний. Так, ни на что не намекали, но испытания провели. Публичные и на бис.

Увы, светлые оказались теми еще черными и хищными душонками, хитрыми и охочими до новых земель. А главное — белых магов было гораздо больше. Как итог: эльфы, гномы, дриады, драконы и светлые маги ныне смело делили

территории, что ранее принадлежали темным, разрабатывали рудники.

Сумеречные маги считали за лучшее уйти за перевал. Не то чтобы они сильно впечатлялись мощью светлых, скорее затаились. И в их земли путь заказан был любому, чья магия имела хоть проблеск светлого дара.

Простому люду до того, что пограничная вешка теперь переставлена на двенадцать полетов стрелы южнее или западнее, дела не было. У крестьян, ремесленников и горожан имелись заботы: пахать и сеять, тачать и ткать, торговать. А налоги... Так всегда их платили. Не суть важно — темным князьям или светлым владетелям.

Но то простые смертные, обделенные даром. Они не правили, не делили трон или голоса сторонников, расчищая себе путь к власти. Простые люди и академий магических не строили и тем более в них не учились. Они просто жили, радовались малому, печалились о проходящем.

— Эти стены — обитель высшего разума, света. И вы спустя семь лет выйдете отсюда не адептами, но магами. Борцами с нечистью. Времена, когда люди и нелюди чуврались друг друга, прошли. Их стерла Великая эпоха перемен. И один из сильнейших драконов — Кейгу Золотое Крыло, основавший нашу академию, заповедовал: из стен сей обители знаний выйдут только достойные, те, кто не убоится сразиться со злом во имя добра.

Глава 1

Триста лет спустя

— У-у-у, чтоб тебя!

Я чудом не выпала из летающей общественной лодки, когда та лихо затормозила у посадочной площадки академии. Эта зачарованная посуда, битком набитая в ранний час пассажирами, следовала по традиционному маршруту: пригород — академия — ткацкие мануфактуры — улицы столицы. С утра, когда все спешили, в нее было не втиснуться. И хотя посадочных мест в лодке было всего три дюжины, а стоячих вроде как вообще не предусматривалось, но и пассажиры, и старый маг-кормщик, управлявший своей летающей развалюхой, на это правило плевали. На работу нужно было всем. А мне вот на учебу.

Зато сам проезд был дешев — одна медька. Так что я мирилась и мечтала о личной метле.

Вообще, идея зачаровывать для полета не только традиционные метлы пришла к магам не столь давно — всего полвека назад. И прижилась. Дешево, быстро, почти удобно, если не попадешь в давку.

Лодка остановилась, пассажиры незлобиво, скорее по привычке, матюгнулись, кормщик зычным басом возвестил:

— Воздушный причал Академии драконов. Выходим, не задерживаемся.

Я спрыгнула на каменную площадку. За мной — еще с десятков пассажиров: кухарки, дворники, гардеробщицы — в общем, прислуга, что работала в стенах академии.

Лодка качнулась, словно пытаюсь зачерпнуть бортами немного небесного тумана, а потом тронулась в путь. Погода сегодня была не просто пасмурная — чернильная. Небо, затянутое низкими, разбухшими от дождя и оттого тяжелыми тучами, грозило вот-вот разродиться ливнем. Но пока держалось: копило гнев и влагу, чтобы опрокинуть на нас, суестьящихся на земле букашек, сразу водопад.

Я поежилась. Глянула вниз. Если решусь на самый быстрый вариант спуска — прыжок, то лететь мне добрую дюжину вздохов, а по приземлении от меня останется качественная отбивная. И почему только площадка так высоко?! Хотя последнее — вопрос риторический. Так удобнее магам-транспортникам: общественной лодке не нужно идти на снижение, чтобы высадить пассажиров. А последние — не сахарные, не растают, топая три сотни ступеней. И ладно поутру вниз, а вот в конце рабочего дня... Чтoб их Пресветлый побрал, этих оптимизаторов общественных маршрутов.

Как всякая истинная черная ведьма, ругалась я исключительно именами из пантеона светлых богов. Правда, ныне приходилось это делать исключительно про себя.

Мягко говоря, наше темное племя в академии недолюбливали. Причем порою столь рьяно, что светлые чародеи аж полыхали праведным гневом, а заодно и кострами, если удавалось отловить какого черного мага. Убивать уже не убивали, правда, лет сто как, но испытывать на своей шкуре процесс копчения темных не хотелось. Сдается мне, что

славные обладатели светлой искры дара с удовольствием бы продолжили веселый шабаш под названием «зажигаем с темными» (к слову, последние шли бы в качестве топлива), но сторонники демонов были слишком верткими, хитрыми, быстро драпающими, а потому трудноуловимыми. Я в полной мере старалась поддерживать образ коварной и неуловимой темной. Оттого была мила, светла, приветлива, а если и проклинала, то исключительно так, чтобы ни одна живая душа (да и мертвая тоже) не заподозрила, чьих это рук и языка дело.

Вот и сейчас я с самой милой улыбкой топала по ступеням винтовой лестницы вниз, во двор академии. Мило болтала с младшей кухаркой, совсем еще молоденькой девчушкой, о погоде, вполуха слушая ее стенания о неразделенной любви к какому-то старшекурснику. С этой девицей мы вроде как даже были подругами. Я вообще за последний месяц стала удивительно дружелюбна. А для черной ведьмы — так и вовсе исчерпала на дюжину лет вперед свой лимит на ту пакость, которую простые люди величают приятельством. Но деваться было некуда, и я дружила для виду и с кухарками, и с одноклассниками, и даже со своей квартирной хозяйкой. Хотя периодически, чисто по ведьминской дружбе, насылала на эту старую каргу заклинания ревматизма. Ибо одно дело пару раз приложиться к замочной скважине своим старушечьим глазом, а другое — проделать в стене комнаты две дырки для «посмотреть» и сдавать сей наблюдательный пункт за серебрушку всяким извращениям. Правда, ушлая бабка нажиться на своей гениальной идее не смогла: ровно на место для гляделок я повесила картину... Но сам факт того, что за мой счет пытались обогатиться, причем дважды, возмутил меня до глубины души.

Я бы съехала из комнаты уже давно, но вот найти жилье за столь же мизерную цену даже на окраине столицы было нереально.

В итоге я терпела бабку, та — меня. Картина со стены регулярно падала, даже будучи прибита не только гвоздями, но и чернокнижными заклинаниями, а карга не теряла надежды обогатиться на тайном просмотре юной девы в неглиже, обитающей в естественных условиях съемного жилья.

Сегодняшнее утро не заладилось с самого начала: я чуть не проспала. Потом была ужасная давка в лодке, а теперь вот трескотня...

Я искося глянула на рябое лицо курносой кухарки... М-да. Ей бы подумать о своей ровне, каком-нибудь булочнике из соседнего дома или водовозе. Так нет... Мечтала оказаться лежащей на сеновале или иной горизонтальной поверхности непременно с этим адептом-аристократом. Вернее, грезила-то девчушка об ухаживаниях и поцелуях, но в итоге получила бы именно разглядывание потолка. А потом... В лучшем случае слезы и сопли. Про брюхатость и иные болезни, передаваемые половым путем (и частенько не без помощи ведьминых проклятий — заявляю как специалист в области срамословия), кухарочка, видимо, тоже не думала, заливаясь соловьем о достоинствах своего замечательного адепта.

Наконец мы спустились во двор. Тут уже в рядок у метелковязи выстроились летные метлы. Почему-то у адептов было особым шиком рассекать небо именно на них. Хотя черены метел нет-нет да и перемежались с паланкинами, шторы которых скрывали своих пассажиров. Чаще всего пассажиров, поскольку так предпочитали передвигаться по воздуху аристократки.

Прозвучал удар колокола, возвещая, что через две дюжины вздохов начнется первое занятие. Я ускорила шаг и поправила на плече холщовую сумку, у которой еще вчера оторвалась тесемка, стягивавшая горловину. Оттого сейчас свитки и перья топорщились из торбы, норовя вывалиться. По этой причине я всю дорогу, стоя в лодке, держала поклажу, боясь, что в сутолоке лишусь своих записей.

Понимая, что сейчас опоздаю, я перешла с шага на рысь. Юбка взметнулась вверх, обнажая щиколотки в белых чулках, но мне было не до приличий.

Я уже почти пересекла двор, когда прямо на меня, выходя из крутого пике, полетела здоровенная метла. Ее внушительный черен из мореного дуба мог легко выдержать трех рыцарей в полном боевом доспехе и дракона в крылатой ипостаси в придачу. Но пока таковых не было. Зато в седле метлы имелся белобрысый здоровяк.

Он-то и задрал черен своей леталки едва ли не вертикально.

Я успела отпрыгнуть в сторону в последний момент. Навершие метелки протаранило воздух в том месте, где я стояла миг назад. Седок пролетел вперед еще с десятков локтей и наконец остановился, отчаянно матерясь.

За его широкой спиной обнаружилась девица веселого и на все согласного вида: облегающая выдающиеся женские прелести тонкая блузка, кожаные штаны, распущенные рыжие волосы и призывно алая помада на губах.

— Куда прешь, курица! — именно со столь высокоинтеллектуальной фразы начала свой разговор эта яркая девица, отлипнув от спины седока. — Ты сдохнешь, напорвшись на черен, а Молоту потом штраф за такую убогую мозгами платить? Если ничего в жизни не светит, то давай накинь белую простыню и начинай ползти тихо к погосту, не мозоль глаза.

Здоровяк обернулся, чтобы смерить меня оценивающим взглядом. Высокий лоб и скулы, темные брови и при том светлые волосы — признак породы, что красноречивее всяких титулов. Точно такой же высокородный кобель, как и герой девичьих грез кухарочки.

— Че застыла изваянием, словно василиск тебя взглядом раздел? — хохотнула собственной плоской шутке рыжая.

Она прогнулась в пояснице, прильнув к адепту, и откинула голову, тряхнув власами. И тут выражение ее лица стало до отвратного глумливым.

— Хотя постой так еще немного, а лучше чуть пригнись. Тогда испытаешь всю радость взрослой жизни, когда тебя Волнолом насадит на свой черен...

Запоздало взглянула наверх. Если до этого я думала, что здоровенный блондин неся на меня тараном, то сейчас мне стоило взять свои слова назад и умилиться тому, как предупредительно и аккуратно он водил свою летунью.

Со скоростью арбалетного болта на меня мчался пепельный ураган. Этот ненормальный не просто падал камнем, нет. Он держал метелку одной рукой, заставляя ее лететь отвесно к земле с бешеной скоростью.

Мозг отстраненно успел подумать, что такими самоубийцами могут быть только драконы. Это им, сынам неба, мало простого полета. Обязательно еще и нервишки пощекотать, причем ладно бы себе, а то всем.

Я инстинктивно шарахнулась в сторону, поскользнулась и, уже падая в лужу носом, успела сделать то, что на моем месте сотворила бы любая уважающая себя ведьма. Пожелала...

Все утро я вела себя как образцовая светлая магиня, добрая и кроткая... А тут не сдержалась, ведь быть хорошей — это так изнуряет и утомляет.

Метелку у пепельного вихря резко мотнуло в сторону, нацелив ее черен аккуратно на рыжую. Сильная загорелая рука дракона попробовала удержать изначальный курс. Ага, щас. Черно книжное заклинание десятого порядка способно легко и пушечное ядро с курса сбить, не то что крылатого ящера.

Но, судя по всему, психа-летуна я все же недооценила: он успел оседлать свой транспорт в последние мгновения полета. Черен его метлы затрещал, когда до рыжей оставалось несколько локтей, и замер, не долетев до наглой девицы расстояния в какие-то две ладони.

Я медленно встала из лужи. Свитки с записями лекций были испорчены: жижа залилась в сумку, основательно вымочив пергамент.

Стерла с лица грязь.

Рыжая гоготала, забавляясь. Кажется, она, как и белобрысый, не поняла: их от участи шашлыка только что спасла железная хватка пепельноволосяго.

А вот дракон с подозрением уставился на меня.

— Ну, Волнолом, ты даешь. — Белобрысый слез с метлы. Он даже сделал несколько шагов, подходя и протягивая руку пепельноволосяму. То, что при этом его большущие сапожищи растоптали мои самопишущие перья, здоровяк даже не заметил. — Я на один вздох даже решил, что ты не сможешь затормозить и все же врежешься...

Тот, кого белобрысый назвал Волноломом, не спешил пожимать протянутую руку, все еще буравя меня взглядом. Я не осталась в долгу и ответила тем же.

Высокий, жилистый, решительный и столь же опасный, как смертельное проклятие, пепельноволосяый напоминал мне сейчас змею, готовящуюся к броску. Его светлые волосы чуть ниже плеч отчаянно трепал ветер, так и норовя бросить очередную прядь в лицо.

Странное прозвище Волнолом ничуть ему не шло. Слишком он для него не монументальный, что ли.

Сильный, да. Но, скорее, сильный силой клинка, а не скалы. Эта сталь способна и отразить удар, и согнуться дугою, а потом распрямиться и ударить во сто крат мощней. А вот утес... Большой, неповоротливый, он рассекает собою волны и стоит недвижимо.

Пепельноволосый был текучей ртутью. Недаром даже макушка у него цвета этого металла.

Но это все я отметила машинально, пока меня изучали льдисто-голубые глаза. Внутри я поежилась от такого взгляда. Не зря чернокнижники говорят: нет драконов плохих и хороших, есть неверно выбранная дистанция. Так вот, в случае одного конкретного пепельного ящера: чтобы он был милашкой, расстояние до него должно составлять минимум пару полетов стрелы.

Между тем белобрысый, стоя с протянутой рукой, напомнил о себе:

— Волнолом, я думал, что тебя шоготты на летней практике сожрали. А смотри-ка, жив-здоровехонек.

Пепельноволосый нехотя оторвал от меня взгляд, спешился.

— Молот, ты лучше в следующий раз не останавливайся поперек посадочной полосы, — с изрядной долей холода в голосе произнес он.

— Так если бы кто другой был, я бы испугался, но ты-то всегда умеешь затормозить... — струхнув, выдал белобрысый.

— Я могу, а вот метла...

Только тут я заметила, что по всему древку драконьей метлы прошла молния трещины. Мне стало жаль. Жаль, что черен не развалился пополам. Тогда бы пепельноволосый при всем желании не успел остановиться, и вся эта троица провела бы веселенький день в лазарете, сращивая кости. И мне было бы не столь обидно изгваздаться. Еще и конспекты, что выпали из сумки при моих маневрах, испачкались в грязи.

Придется их теперь переписывать. Увы, у меня не было денег на зачарованный пергамент для лекций, который бы не рвался, не намокал и чернила на оном бы не растекались. Посему на том, что у меня имелся, обычном, все записи после купания в луже превратились в кляксы. Это я видела отчетливо.

Но тут на шее пепельноволосого я заметила маленький драконий хвостик и про себя предвкушающе улыбнулась. Этот летун — не инициированный.

У всех, кто не был обделен толикой магии, на теле имелся рисунок. Он появлялся с самого рождения и рос вместе с владельцем. У драконов это был крылатый ящер в миниатюре, у дриад — дерево, у оборотней — щенок, у некромантов — ворон, у чернокнижников — дикий ветер, у пожирателей душ — черное пламя. У меня вот, например, дикий плющ. Сначала он был совсем маленький, черно-белый, и обвивал лодыжку. Потом, в день моего тринадцатилетия, я заметила, как его листья начали окрашиваться. И, судя по всем признакам, скоро он начнет путешествовать по моему телу. Точно так же, как лазурный дракон сейчас крадется по шее пепельноволосого. Подвижная мета — это последняя стадия становления дара. После нее — инициация. Говорят, у драконов во время нее оживший рисунок сливается с сутью, и так рождается крылатая ипостась. Причем миниатюрный ящер у драконов именно того цвета, какого был рисунок.

Но пепельноволосый, кажется, даже не чувствует сейчас своей меты. А я девушка хозяйственная, бережливая.

— Аккуратнее надо быть! — с такими словами я сделала два шага.

Вроде бы в сторону, но резкий поворот головы — и мои волосы хлестнули по шее дракона. Это должно было сойти за плату за оскорбленную добродетель. Пасс рукой, заклинание, которое я прошептала, почти не шевеля губами, — и замершая миниатюрной статуэткой добыча запуталась в моих кудрях.

Я лишь величественно распрямила плечи и двинулась прочь. И не важно, что при этом с моего подола стекала грязь, в туфлях хлопало, а белые чулки превратились в серые и намокли.

В последний момент вспомнила, что стоит подарить наглým адептам немного теплоты. Щелчок пальцами — и все мои конспекты, что так и остались в луже, вспыхнули. Раздался басовитый мат белобрысого и визг девицы.

Я мотнула головой, перебрасывая прядь волос на грудь, аккуратно отцепила маленького дракончика. Да, украсть